М.М. РЕШЕТНИКОВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ 7

1. Попытка осмысления духовного измерения зла 9
2. Танатологические тенденции в человеческом поведении и культуре. 25
3. Манипуляции сознанием через сферу бессознательного 35
4. Феномен агрессивности в психологии, психиатрии и в социуме. 45
5. Гетеро, гомо, нео, би: параллельные миры 67
6. О трансвестите и ритуальном убийстве 101
7. Порнозависимость 109
8. Психология выживших в катастрофе 131
9. Современные тенденции развития психопатологии. 139

II. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. 147

1. Методические подходы к психологическому анализу актуальных межнациональных конфликтов и идей антируссизма. 149

2. Кризис современного целеполагания 169

3. Социально-психологические предпосылки формирования и специфические особенности проявления современного терроризма 181

4. Социально-психологические и социально-политические аспекты информационных войн. . . . 203

5. Психопатология героического прошлого и будущие поколения 229

6. Духовные лидеры новой эпохи 241

7. Наш партнер — Билл Клинтон. 249

8. Демонстративные личности: что о них нужно знать и как с ними взаимодействовать . . . 269

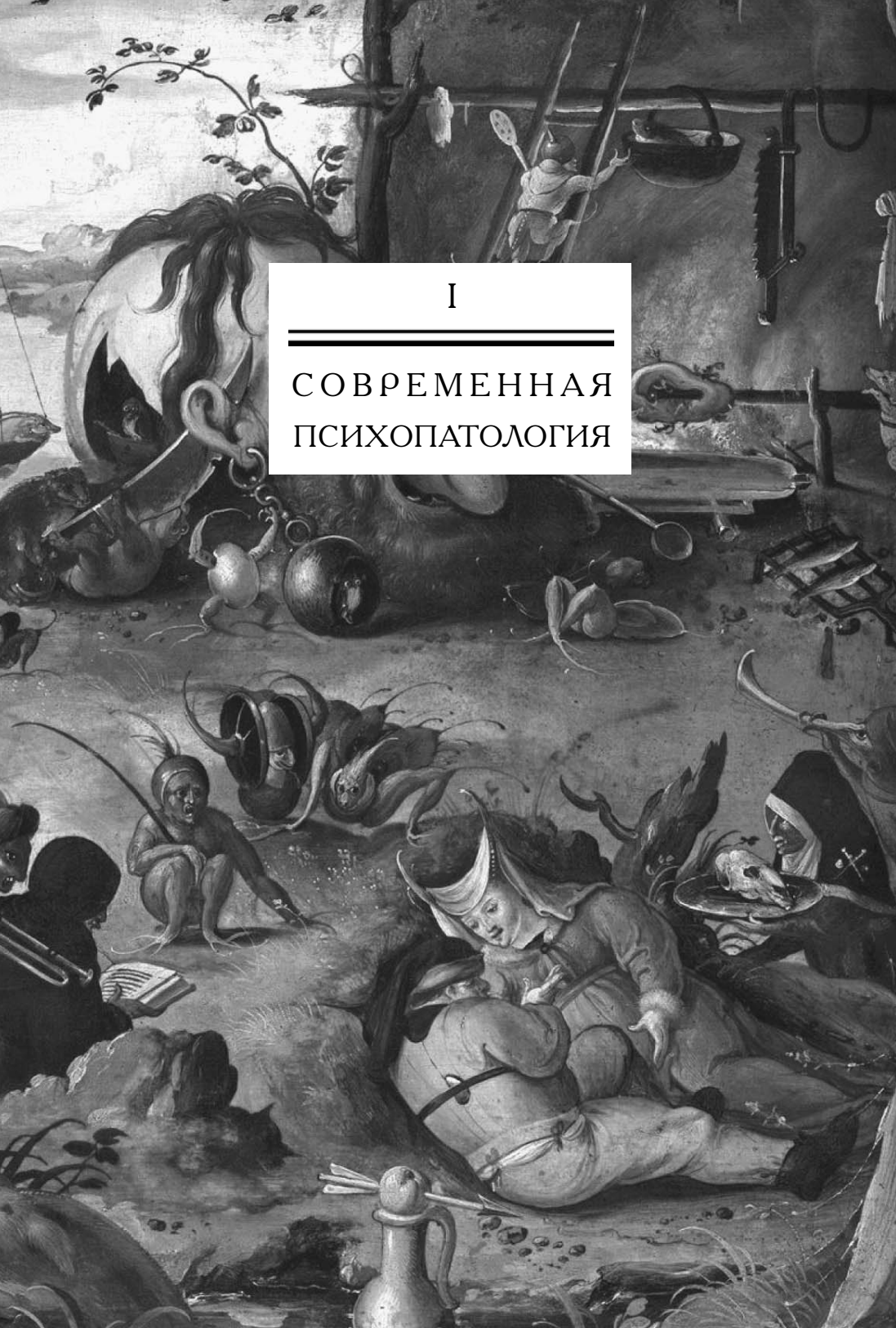
9. Качество жизни в современной России 287

10. Одаренные дети 295

11. Современная специфика суицидального поведения. 303

III. НЕОЧЕВИДНЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО. 329

Социальные процессы и терроризм в Европе 331



I

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

1. ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ДУХОВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЗЛА

Его становится все больше, и без него не проходит ни дня нашей жизни. Поэтому чрезвычайно важно попытаться понять, в чем его истоки и что же это такое — зло, причиненное нам кем-то другим или испытываемое нами самими по отношению к кому-то, чаще всего — столь же любимому, как и ненавистному. Каковы истоки и проявления зла в нашей жизни?

З. Фрейд еще в 1913 году в работе «Тотем и табу» отмечал, что у каждого человека присутствует, всегда отчасти бессознательное, скрытое, но одновременно страстное желание нарушить нравственные запреты, табу. Однако страх осуждения социумом не дает реализоваться этому желанию. Фрейд характеризовал это как «неудобство культуры».

По Фрейду, каждый конкретный человек является врагом культуры, так как хотел бы, чтобы именно для него все запреты были отменены, чтобы он мог стать единственным обладателем всех благ, всех доступных богатств, всей высшей власти, женщин или мужчин, званий, наград и т.д. Но в этих неуемных стремлениях каждый скорее предчувствует, чем понимает, что и всякий другой имеет такие же желания и, как бы силен он ни был, всегда найдется кто-то более сильный, который в борьбе за реализацию своих влечений захочет поступать с ним столь же «неучтиво».

Джотто. «Поцелуй Иуды», Капелла Скровеньи, 1303–1305

И именно на этой основе, задолго до появления законов, формируется первый общественный договор: «Я не буду делать по отношению к тебе того-то и того, если и ты будешь поступать так же». Все, что выходит за рамки этого договора, уже может интерпретироваться как некие варианты зла, любые проявления которого должны преследоваться — законодательно или морально.

Но это то, как должно быть. А в реальной жизни все чаще случается иначе, и мы видим, как растет число психических травм от зла, в том числе — массовых, и без надежды их отреагирования. Подчеркну, речь идет не об «отмщении» или наказании за зло. Речь идет о повседневности зла и привычки к нему.

Если понимать упрощенно происхождение совести, то она началась с родовых табу на инцест: на сознательное ограничение сексуальных контактов. Но Фрейд одновременно отмечает, что совесть — это медаль, на обороте которой написано: «Страх осуждения социумом». В итоге каждая личность оказывается зажатой между властно побуждающими к нарушению запретов влечениями и не менее строгими требованиями морали. Таким образом, в нас изначально заложен конфликт между желаниями и их подавлением.

В основе конфликта — наши неумные влечения, но мы сомневаемся, думаем, переживаем, мучаемся, страдаем и стремимся к моральному поведению и признанию. Однако самое главное, что при этом мы сохраняем связь с реальностью (то есть с нравственными эталонами мышления и поведения, принятыми в конкретном обществе). Когда эта связь утрачивается и возникает разрыв с реальностью, мы говорим о психических расстройствах. Но и в первом, и во втором случаях страх осуждения социумом все равно присутствует, даже у таких патологических типов, как Чикатило. Именно этот страх пронизывает и организует все культурное и ментальное пространство каждого. Именно многовековая попытка избавления от этого постоянно присутствующего страха не в последнюю очередь способствовала либерализации общественной морали, в результате чего многие из культуральных запретов стали не такими уж жесткими.

Эта либерализация в современном российском обществе постепенно все больше сближается с «зоологическим индивидуализмом», хорошо известным специалистам в области поведения животных, когда право первенства на добычу, лежбище или на самок во всех случаях принадлежит самому сильному. Обуздание этого права, как уже было сказано, достигается в человеческом

обществе только культуральным запретом. Но запрет всегда односторонен, он не отменяет желание, а лишь налагает обязанность соблюдать установленные правила (и то лишь до тех пор, пока существует неустанный контроль со стороны общества). Таким образом, именно бескомпромиссный общественный контроль является залогом культуры, а не досужие рассуждения о том, что «кроме нравственной поруки другой нет». Как бы ни цинично это звучало, нравственность — это вовсе не присущее каждой отдельной личности качество, а скорее внешняя категория или во всяком случае диктуемая извне.

Возможно, я кого-то огорчу, но психоаналитическая практика постоянно свидетельствует, что человек по своей природе отнюдь не добр, не честен и не морален. Он вовсе не имеет спонтанной любви к труду, самовлюблен (нарциссичен), гиперсексуален, склонен стремиться к удовольствию и избегать неудовольствия, хотел бы удовлетворять все свои желания и влечения, включая безнравственные и патологические. И это приводит нас к чрезвычайно важному выводу: мы становимся людьми в высоком смысле этого слова не столько благодаря, сколько вопреки своей природе, преодолевая в себе злое и аморальное начало и налагая на себе нравственные ограничения; и это возвышает человека намного больше, чем паранаучный тезис о его природной моральности.

Зло в его природном варианте — обращусь еще раз к зоологии: например, при пожирании чужих детенышей львами, исходно примитивно и отвратительно, но оно не может интерпретироваться в категориях морали или нравственности и для нас с вами никакой опасности не представляет. Зло в человеческом сообществе приобретает качественно иные характеристики, а его главная опасность состоит в том, что оно утрачивает природный примитивизм и всегда маскируется под

Маринус ван Реймерсвале. «Сборщики податей», 1490—1567

что-то иное, например под некий особый моралитет или особую «утонченность» взглядов, под убежденность в своей непоколебимой правоте или в своем особом праве, включая фанатическую приверженность тем или иным установкам или идеям. Если кто-то абсолютно убежден в своей правоте, это уже должно настораживать.

Если исходить из этого тезиса и принять его, тогда одной из человеческих форм противодействия и противостояния злу становится сомнение, то есть общество, облагороженное знанием, наукой и культурой.

Иными словами — то, к чему призывало Просвещение. Чем больше знаний, чем выше уровень культуры и, соответственно, чем больше сомнений в непреложности тех или иных истин, тем меньше места для зла. Но эпоха Просвещения давно закончилась, и ее идеи и эталоны также постепенно уходят в прошлое. По сути осталась только образованность, которая, лишившись ее нравственной составляющей, приобретает все более убогие и даже уродливые формы.

История последнего столетия предлагает нам качественно новые виды зла. Зло постепенно эстетизируется и маскируется под нечто высокое, даже с оттенком чего-то по-особому высоконравственного и могучего,

Хендрик Гольциус. «Грехопадение», 1616

судьбоносного, исторически необходимого для становления той или иной культуры или даже для целых народов.

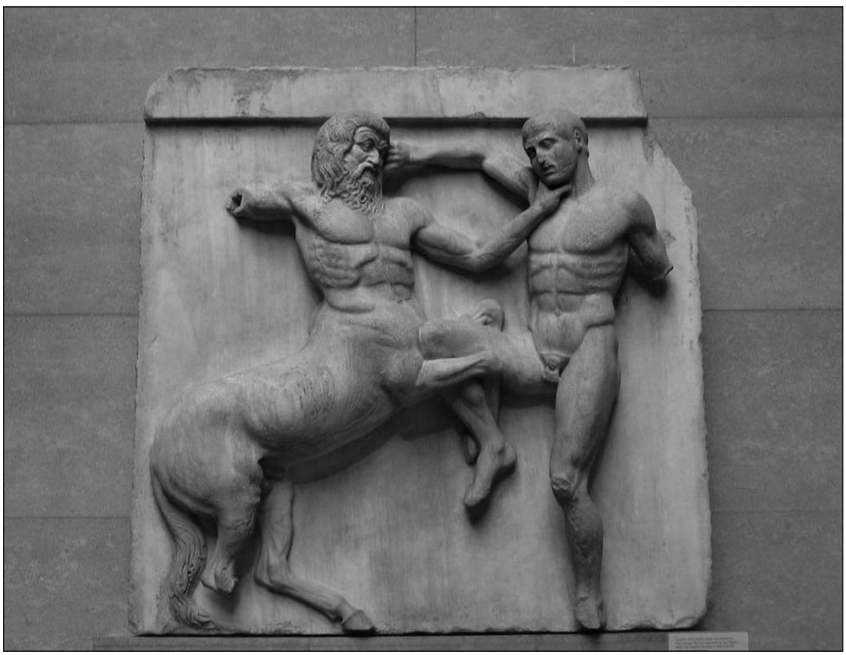
Вспомним историю фашизма и небольшой фрагмент из фильма «Кабаре» с юношами из гитлерюгенда с непорочными лицами и ангельскими голосами, страстно, почти как в реквиеме Моцарта, исполняющими: «Германия — превыше всего». Если из фашизма изъять его — вне сомнения выдающуюся — эстетику, то останутся только газовые камеры и миллионы трупов. Какая уж там эстетика! Но эстетика, безусловно, была, и к ней были причастны отнюдь не последние умы Германии. Это напоминание всем нам об ответственности интеллектуалов (применительно к проблеме зла) перед культурой, обществом и историей.

Казалось бы, все это в далеком прошлом. Но давайте посмотрим, как на протяжении XX века осуществлялась эстетизация преступного мира. В частности, например, криминальным фольклором, который в России (с момента снятия всех моральных ограничений) самозабвенно тиражируется всем артистическим бомондом, по неясным причинам претендующим на роль культурной элиты. Хотя это пример «самой низкой пробы». Давайте вспомним такой шедевр мирового киноискусства, как «Крестный отец». Один из выводов, который мне хотелось бы сделать по первой части этих тезисов, состоит в следующем: именно эстетизация зла делает его опасным.

Мы все переживаем непростой период, главной составляющей которого, по моим представлениям, является не экономический, а мировоззренческий кризис. Деньги — это, в конечном счете, такая же отвлеченная категория, как совесть или мораль. В природе не существует никаких денег, они присутствуют только в нашем сознании, в наших представлениях и в наших договорных

отношениях. Более того, позволю себе предположить, что существуют особые отношения между такими отвлеченными категориями, как деньги и мораль: чем ниже уровень государственной и общественной морали, тем больше власть денег. Не хочу сказать, что все мировое зло сосредоточено в деньгах. И тем не менее.

Христианство, наряду с чередой божественных чудес, не в последнюю очередь начинается с попыток Христа удаления денег из храма, а если мыслить более широко — с попыток отделить сакральное от мирского. Хотя это общеизвестно, хотелось бы обратить внимание, что затем этот протест завершается предательством, цена которого всего-то 30 серебряников. И в этом, независимо от того, считать ли Библию божественным



Фидий. «Битва лапифов с кентаврами», 447—432 гг. до н. э.

откровением или плодом человеческой мудрости, есть особое предупреждение: сакральное весьма уязвимо, а сила денег явно недооценивается. Хотя они, безусловно, не всесильны.

Тем не менее уничтожение присутствующего в деньгах злого начала многократно обыгрывалось в философских изысканиях и социальных утопиях. Мы, постсоветские, хорошо помним наши иллюзии и несбыточные мечты о «светлом будущем», где всем будет обеспечен беспредельный доступ ко всем благам — по потребностям, включая «обобществление жен», и вообще не будет денег. В этой социальной утопии, впрочем, как и в нынешнее время, совершенно не учитывалось, что у всех людей, наряду с высокими, имеются низменно-паразитические потребности, которые требуют своей реализации. К сожалению, в вопросе о запретах и ограничениях на всех уровнях, включая государственный, преобладают ложно понятые гуманистические и все более либеральные подходы. Именно безграничная и бездумная либерализация государственной и общественной морали привела к всемирному росту таких явлений, как коррупция, взяточничество, алкоголизм, наркомания, преступность, проституция и порнография, которые постепенно стали обыденными факторами повседневной жизни.

Нормально ли это? Так и должно быть? Именно такой итог планировался в качестве последовательного развития идей Просвещения и демократии? Вряд ли. Эта либерализация морали, казалось бы, проникнутая неким особым гуманизмом, на самом деле оказалась самым безумным предприятием последнего столетия.

Утрата смыслов, тотальный плюрализм и извращенный мировоззренческий релятивизм (то есть признание относительности и условности всякого знания и всякой морали) в сочетании с постоянно расширяющейся

доступностью для реализации всяческих пороков создают у современного человека ощущение вездесущности зла. Как мне представляется, мы живем в некий переходный период, на пороге «сверхнового» времени, которое требует таких же идей, но последних как раз и не обнаруживается. Нет духовных лидеров новой эпохи. Тем не менее безусловно одно: отсутствие каких-либо понятных и общих для Человечества морально-нравственных парадигм и подмена высокого понятия «культура» далеко не равноценным термином «технический прогресс» постепенно приобретают все более катастрофический характер.

Категорию зла чрезвычайно трудно концептуализировать. При попытках обобщенно характеризовать зло, тут же ощущаешь, что в нем есть нечто ускользающее, незавершенное, непостигаемое и одновременно привлекательное, что в чем-то очень напоминает отношение ко всему таинственному, непознаваемому или, например, к загадке человеческой сексуальности в целом.

Древние греки еще не выделяют зло в качестве самостоятельной структуры. Оно, как и добро, проистекает от богов. Хотя некоторые сущности зла уже присутствуют. Ибо в греческой мифологии Бог есть добро, и материя как творение Бога есть добро. Но не вся материя равномерно пронизана или проникалась благостью Бога. По Гераклиту, если исчезнет зло, то не будет и добра. Мне кажется, что более точным было бы сказать: «Если исчезнут ясные представления, что есть зло, то таким же неопределенным станет и добро» — то, что мы сейчас наблюдаем в современной культуре.

Это далеко не праздный вопрос, особенно для нас с вами. Легализация зла и либерализация отношения к нему неизбежно будут иметь последствия. Традиционное понятие нормы может вообще исчезнуть.

Точнее, патология станет одной из разновидностей нормы.

Еще более красноречиво другое выражение Гераклита: «Трудно бороться с сердцем. Ибо каждое из своих желаний оно покупает ценой души». Противопоставление духовного и телесного уйдет из научной

Гюстав Моро. «Эдип и Сфинкс», 1864

полемики еще не скоро. Но именно этот уход через столетия ознаменует почти всеобщую (но вряд ли окончательную) победу идеологии общества потребления и удовлетворения телесных потребностей.

Когда Ницше (1844 — 1900) констатировал, что «Бог умер», это не было просто красивой фразой. Эта констатация, как мне представляется, была одной из самых ярких вспышек мироощущения наступающей новой эпохи. Эпохи, когда высокая философская идея постижения мира начала постепенно вытесняться низменным желанием подчинения этого мира нашим телесным потребностям. И, как свидетельствует опыт, мир явно преуспел в этом направлении.

Обратимся к современной рекламе: кто диктует современные социальные образцы и эталоны? Авторы отдающих наследственным дебилизмом шоу, где заранее вмонтированы «перебивки» со смехом и аплодисментами аудитории; продавцы коттеджей, тысячекратно превосходящих потребности уже не в необходимом, а во всех возможных излишествах; создатели теплых полов и «интеллектуальных» матрасов, разработчики силиконовых грудей и удлинителей фаллосов, изобретатели гламурного белья, дезодорантов, памперсов и сверхпрочных презервативов, творцы оргазмически фонтанирующей пивной пены и сотен сортов более крепких «антидепрессантов». Все для тела! Для ненасытного и предельно оглупленного. На миллиарды миллиардов.

А где сакральное? В общем-то, все упомянутое выше, — не такой уж большой грех. Да и бог бы с ними. Напомню, что средний россиянин проводит около 1/4 жизни перед «голубым экраном». Поэтому ничуть не меньше над обществом и его моралью довлеют производители примитивных сериалов и переполненных кровавыми сценами блокбастеров, где сплошь и рядом

фигурируют респектабельные уголовники, владельцы публичных домов и массажных салонов, торговцы оружием, наркотиками и живым товаром, продажные стражи порядка и такие же законодатели, где с высочайшей достоверностью прописано, как можно разбогатеть, не прилагая никаких усилий — разве что, совершив немного усилий над собственной совестью и моралью. И этим (или, точнее, из-под всего этого) кормятся всевозможные рекламные агентства, которые с паранойяльной навязчивостью пропагандируют именно то, без чего вполне можно обойтись, и именно то, что чрезвычайно трудно классифицировать как добро.

После того, как «Бог умер», было бы уместно предположить, что умер и Сатана. Однако столь же допустимым является тезис о том, что именно он и стал теперь Богом. Во всяком случае, количество праведных христиан убывает, а число сатанистов всех мастей растет. И это также пока остается за пределами сколько-нибудь серьезного социального и философского анализа. Почему?

Еще раз вернусь к эстетизации зла в кинематографе, который всегда апеллирует более к чувствам, чем к разуму, и поэтому его «эталоны» воспринимаются без критики, прежде всего молодежной аудиторией. Это особенно опасно еще и потому, что основные ценности, которые искренне исповедует лучшая часть общества, далеко не очевидны, более того — нередко они взаимоисключающи. Возьмем хотя бы тезис о «свободе и равенстве»: мы, постсоветские, быстро убедились: если есть свобода, — нет равенства; если есть равенство, — нет свободы. То же самое можно сказать и о таких острых проблемах современности, как межнациональная толерантность и национальная идентичность. И тогда снова встает уже многократно поднимавшийся вопрос о мере свободы

и насилия допустимого в обществе социального и материального неравенства.

Так мы подходим к ситуации, когда в обществе уже почти нет морали. Есть только закон. А закон — это одна из форм оправдания и насилия, и зла. Мы все не раз сталкивались с ситуацией, когда по правде и по справедливости должно было бы быть вроде бы так, но закон диктует совсем другое решение. Как ни странно, законов, в том числе регламентирующих повседневность, все больше, но все сильнее ощущение, что мы живем в обществе беззакония. Тем более что все законы, как и все дверные замки, существуют только для честных и моральных граждан. Мной неоднократно предлагалось законодательно разделить все товары и услуги на общественно значимые и общественно пагубные, а также при написании законов исходить из уже упомянутого выше тезиса о том, что и у человека, и у общества в целом, кроме высоких, всегда имеются низменные и паразитические потребности, которые ни при каких условиях не должны удовлетворяться. В ответ — тишина.

Пока же, без паники, но не без оттенка страха за наше общее будущее, можно констатировать: оказывается, для того, чтобы детей не насиловали в собственной семье и не убивали в родительском воспитательном порыве, чтобы им не продавали алкоголь и наркотики, чтобы они не бродили по ночам, как беспризорники — при живых и вполне благополучных родителях, чтобы им не предлагали развращающее их порно 24 часа в сутки по Интернету и ТВ, нужен закон. И только закон. А это значит, что моральная регуляция почти утрачена. Хочется сказать даже более жестко: мы явно присутствуем при тотальной дегуманизации европейского общества (это не только российская проблема).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru